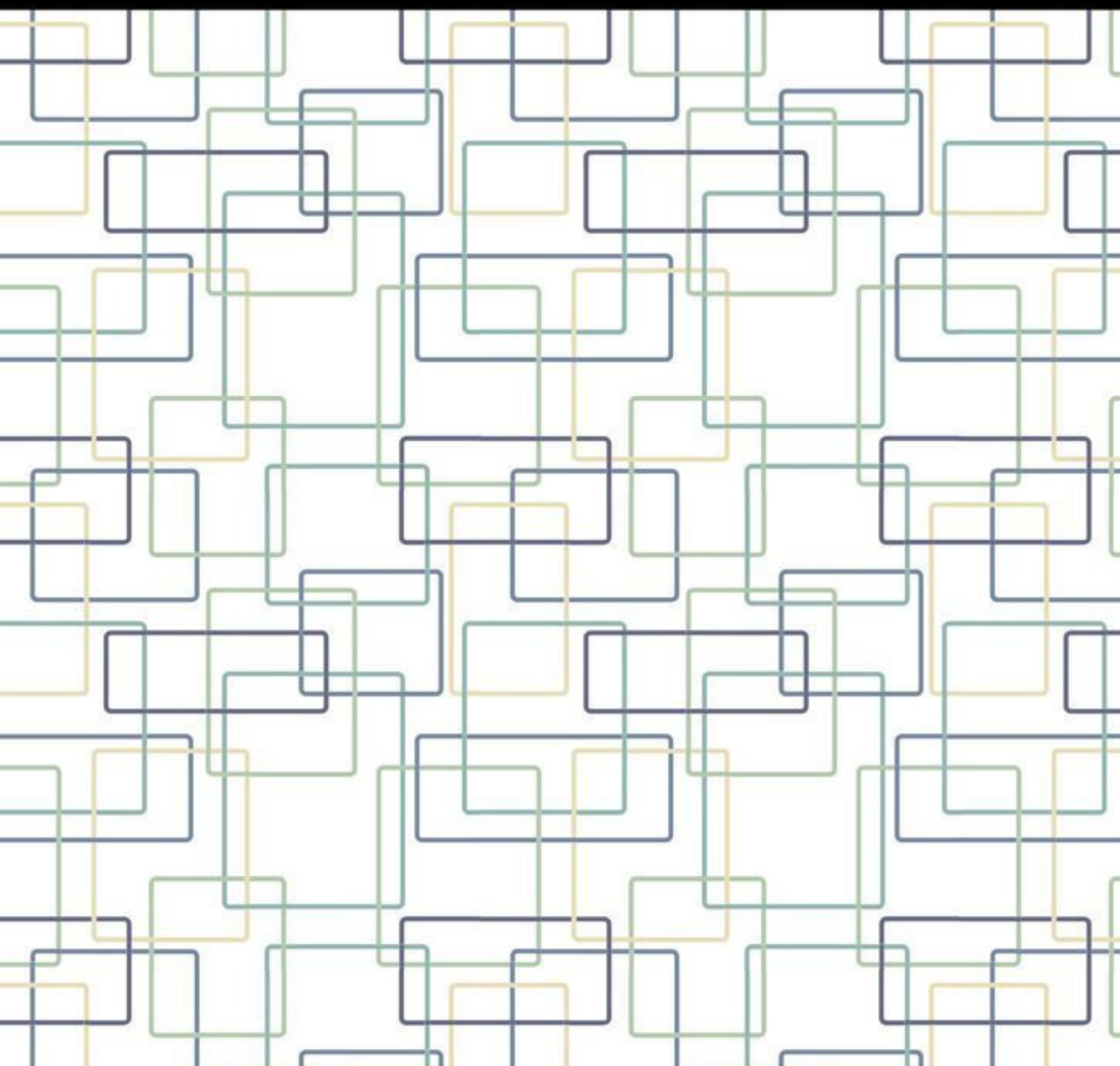

18+

Илья Борисович Ставровский

ВИРУС

Роман

Илья Ставровский

Вирус. Роман

«Издательские решения»

Ставровский И. Б.

Вирус. Роман / И. Б. Ставровский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511011-4

Почему и как разразилась эпидемия коронавируса, навсегда изменившая нашу жизнь? Психологический триллер, захватывающее действие которого развивается в Вухани, Пекине и Нью-Йорке, в подвалах секретных лабораторий и в небоскребах инвестиционных банков. Главный герой, Дэвид Виргенштейн, пытается спасти мир от надвигающейся катастрофы. Книга будет интересна всем поклонникам Дэна Брауна.

ISBN 978-5-00-511011-4

© Ставровский И. Б.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вирус Роман

Илья Борисович Ставровский

Начнутся болезни – и многие восстенают; начнётся голод – и многие будут гибнуть; начнутся войны – и начальствующими овладеет страх; начнутся бедствия – и все вострепецуют.

3-я Ездры 16 глава

Сотням тысяч погибших от эпидемии коронавируса и миллионам тех, кому ещё предстоит умереть, потерять работу, семью и близких, посвящается.

© Илья Борисович Ставровский, 2020

ISBN 978-5-0051-1011-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Я пишу эту книгу на карантине, сидя в подвале своего дома под Прагой. Мои холодильники доверху забиты едой, купленной ещё по предкризисным ценам, и мне нет необходимости выходить на улицу. Я чувствую себя в относительной безопасности – по крайней мере, в большей безопасности, чем должны чувствовать себя мой семидесятипятилетний отец в Нью-Йорке, ставшем мировым эпицентром эпидемии, или моя дочь в Париже, улицы которого патрулирует французская армия. Я не знаю, что будет дальше, – кажется, что в Европе волна заражений и смертей, унёсшая десятки тысяч жизней, идёт на спад, но в России и Бразилии она только набирает силу, в Китае вновь закрывают на карантин города, а в Африке... бог знает, что происходит в Африке.

С экранов телевизоров, компьютеров и телефонов на нас обрушивается нескончаемый поток ужасов: больницы, полные пациентов, полутрупами лежащих лицом вниз на искусственной вентиляции лёгких, экскаваторы, копающие братские могилы, и бесконечный поток экспертов с более или менее сомнительной компетенцией, рассказывающих нам о том, что, вполне возможно, границы останутся закрытыми ещё год, что нас ожидает повальное обнищание и что вакцина будет готова в лучшем случае через восемнадцать месяцев (про худший случай нам и самим понятно: вакцины против вируса СПИДа человечество не смогло создать за сорок лет, а вакцину против гриппа приходится каждый год делать новую, поскольку та, что у нас есть, создана на основе прошлогоднего штамма, который успел за год мутировать).

Если жизнь поставит перед вами выбор – остаться дома навсегда или умереть, – что вы выберете?

Всех нас, благодаря невероятному сюрреализму происходящего, волнует не только вопрос, что будет дальше, но и вопрос, как это всё могло произойти? В нашем современном мире, где медицина достигла небывалых высот, как мог нас всех за месяц поставить на колени вирус, судя по всему, являющийся довольно близким родственником вируса, от начала веков вызывающего у нас насморк? Впрочем, последнее тоже не вызывает особого оптимизма – в борьбе с насморком наши достижения весьма сомнительны.

Позвольте мне предложить вам свой вариант того, как и почему мы вошли в эту катастрофу, подобной которой человечество не видело ровно сто лет – со времён испанки, убившей пятьдесят (некоторые историки считают, что сто) миллионов человек в начале XX столетия. Насколько он соответствует действительности – покажет время. Но несомненно то, что даже сейчас, в самом начале эпидемии, мы видим, как определённая группа лиц от того, что происходит, безусловно, выигрывает или, по крайней мере, может выиграть, если правильно будет использовать розданные карты. И, увы, эта группа лиц – не мы с вами...

Прошу заметить, что все персонажи в данной книге являются вымышленными, кроме, пожалуй, нынешнего президента США Дональда Трампа. Также вымышлены все организации, и любые совпадения их названий с названиями существующими являются чисто случайными.

Моей целью не является оскорбление чьих-то религиозных, национальных и любых других чувств и убеждений, и если кто-то всё же почувствует себя оскорблённым, я заранее хотел бы принести свои самые искренние извинения. У данной книги и её автора две цели – поиски истины и желание как-то скрасить ваш досуг, неожиданно ставший гораздо менее разнообразным.

Будьте предельно осторожны, и самое главное – оставайтесь здоровы!

Глава 1

Давос

Дэвид Виргенштейн всегда любил ездить в Швейцарию. Казалось, тут всё было пропитано деньгами – от голубых бездонных озёр до отражавшихся в них белоснежных вершин величественных гор. Даже сам воздух в этой стране пах деньгами – их непорочной свежестью, как пахли листья ещё не разрезанных купюр из-под печатного пресса федеральной резервной системы в Чикаго, где Дэвид начинал свою карьеру. Сидя на заднем сиденье чёрного «мерседеса», любезного предоставленного ему его старым другом по Йелю, который уговорил его лететь в Давос через Цюрих, он даже приоткрыл окно, чтобы насладиться этим запахом. Проведя несколько часов в новом здании Кредит Свисс Ферст Бостон, он чувствовал приятную лёгкость после двух бокалов прекрасного белого австрийского вина, выпитых во время обеда из шести блюд, и уже предвкушал двухчасовой отдых, во время которого планировал сначала немного расслабиться, а затем освежить в памяти главные тезисы своего доклада на Всемирном экономическом форуме. Чтоб ему ничто не мешало, он попросил свою помощницу Линдси сесть впереди рядом с водителем и первым делом поднял разделительную перегородку, удивившись в уютном коконе салона, обтянутого перфорированной кожей наппа матово-чёрного цвета.

Деньги не были богом для Дэвида, который, как всякий синагогальный еврей, ещё со времен посещения йешивы прекрасно помнил изложенную в Пятикнижии историю о том, как Всемогущий покарал тех из его народа, кто создал себе золотого тельца и пытался ему поклоняться. Да что там – он постоянно видел вокруг себя людей, вновь и вновь создававших этого золотого тельца и последовательно жертвовавших на его алтарь всю свою жизнь – своё свободное время, свои семьи, своё здоровье... Для Дэвида деньги всегда были благословением Всевышнего, манной небесной, данной им его народу для того, чтобы плодиться и размножаться, и инструментом, позволявшим подчинять себе другие народы земли с помощью этого благословения. Не случайно в руководстве мировыми финансами, которое все без исключения собралось на форум в Давосе, подавляющее большинство или были евреями, или на них работали.

Дэвид родился и вырос в семье банкира, и первой его настольной игрой была «Монополия». Год за годом отец громил его вечерами, но каждый раз это занимало у него всё больше времени, и вот когда Дэвиду было десять, в один прекрасный день ему повезло, и он методично обыграл папашу, удачно используя выпадавшие ему кости. В тот день отец Дэвида, которому было сорок и который уже был членом правления «Волман Тракс», раздражённо почесал свой длинный нос, похлопал Дэвида по покрытой ермолкой голове и сообщил ему, что в детские игры играть теперь хватит и они переходят на шахматы.

Наслаждаясь функцией массажа на заднем сиденье мягко катившего «мерседеса», Дэвид вспоминал, что ему потребовалось ещё десять лет, прежде чем он смог в первый раз обыграть отца в шахматы. К тому времени он уже был студентом Йеля и внешне очень напоминал отца – высокий и тощий как жердь, с вьющимися чёрными волосами, которые он всегда расчёсывал на безукоризненный пробор слева, маленькими аккуратными руками и ногами и красивым глубоким голосом, оказывавшим, как он уже успел выяснить, гипнотическое воздействие на студенток женского пола.

– Ну вот ты и обыграл меня, сынок, – констатировал Джеймс Виргенштейн, откинувшись на спинку кресла за шахматным столиком в гостиной их двухэтажной квартиры с окнами

на Центральный парк. В его голосе, наряду с обидой и удивлением, Давид почувствовал некоторое удовлетворение.

– Папа, я думаю, это случайно, – сказал он, подмигнув отцу. – Сыграем ещё раз?

– Ты знаешь, что это не случайно, – я видел шахматный учебник в твоей комнате. Я давно собирался сказать тебе, что горжусь тобой, – ты сумел усвоить то главное, чему я всегда старался тебя научить: если уж делаешь что-то, делай это от всей души, и старайся стать в этом самым лучшим. Кроме того, мы всегда играем только одну партию в день. Так что мне придется подождать до завтра с реваншем... лучше расскажи мне – Как тебе удалось обыграть меня?

– Папа, я давно уже понял, что если я просто пытаюсь играть правильно, по учебнику, развивать фигуры, наращивать давление, – сказал Дэвид, собирая шахматы в инкрустированную перламутром доску, – то в результате ты всегда меня обыгрываешь. Уж не знаю, опыт это или же твой компьютер (тут он постучал себя по лбу) помощнее моего.

– И то, и другое может быть верно, сынок! – Тут папа заржал тем козлиным тонким смехом, который приберегал для своих наиболее удачных, по собственному мнению, шуток.

Вежливо улыбаясь, Дэвид дождался, пока отец досмеётся, и продолжил:

– Так что я решил воспользоваться главной твоей слабостью – жадностью.

– И пожертвовал мне пешку в самом начале игры. Я был уверен, что смогу противостоять тебе на королевском фланге, но ты раскатал меня, как паровой каток...

– Достаточно небольшого преимущества вначале, чтобы получить значительное в конце...

– Это как раз то, о чём я хотел поговорить, с тобой, сынок... – Отец снова стал серьёзнее, выпрямился и опёрся на стол. – Думаю, что со следующего семестра тебе стоит прослушать курсы по политологии и социологии.

– Па, к чему мне это? Я не собираюсь заниматься ни тем, ни другим...

– Сынок, никогда не говори «никогда»... В самых высших эшелонах бизнеса и финансов куда больше политики, чем бизнеса и финансов, а чем больше я смотрю на тебя, тем больше мне кажется, что ты дотянешь до самых высоких эшелонов, так что эти знания тебе обязательно пригодятся.

– Но разве тебя не тошнит от всей этой грязи, которая там у них происходит? Вся эта коррупция, скандалы, ложь, все эти бесконечные компании, выступления, выборы...

– Всё это так, сынок, всё это правда... – Знаком отец предложил сыну пересесть на диван к огромному окну, выходявшему на Центральный парк. Город за ним был прекрасен. На Нью-Йорк надо смотреть с высоты – и тогда все мелкие детали, вроде мусора на улице и копающихся в нём крыс, бездомных, наслаждающихся теплом на вентиляционных решётках в метро в ожидании подачи от спешащих на работу клерков, и драгдилеров, гнусавыми голосами пытающихся рекламировать свой товар, пропадают, и остаётся лишь правильная решётка улиц с несущимся по ним красочным потоком машин, обрамляющих его главное сокровище – изумрудную зелень Центрального парка. Дэвид любил этот город, как охотник любит свою добычу, как воин любит город, который ему предстоит завоевать. Он здесь родился и вырос, и теперь, когда ему пришлось уехать, для того чтобы учиться в Йеле, он искренне скучал по Нью-Йорку и не мог дождаться того дня, когда снова вернётся сюда и будет работать на Уолл-стрит, как до этого работал его отец, а до него – отец его отца. Дэвид на секунду замер у панорамного окна, обещая себе, что когда-нибудь этот город будет принадлежать ему полностью и безраздельно, и он купит себе пентхаус в одном из таких же шикарных домов, как у отца, может быть, даже прямо в этом доме, и станет президентом банка на Уолл-стрит, и будет командовать целой армией офисных служащих...

– Дэвид? Ты со мной? – По тону Виргенштейна-старшего Джон понял, что Джеймс собирается прочесть ему одну из своих знаменитых лекций. Он искренне любил отца, хотя тот порой и бывал к нему достаточно строг, но всегда проявлял искреннюю заинтересованность

в своём сыне и всегда был готов уделить ему время, будь то помощь с математикой, которая с годами была нужна ему всё меньше и меньше, или поход в Центральный парк, чтобы побросать бейсбольный мяч на лужайке.

– Давай отметим мою победу? – не без озорства предложил он отцу, кивнув на резной антикварный бар чёрного дерева в углу, на котором ровными рядами, словно солдаты, готовые к бою, выстроились бутылки, в большинстве своём коллекционного односолодового виски. Джеймс любил выпить и, как всякий еврей, возвращённый на субботнем киддуше, был способен при необходимости перепить ирландца, хотя дома редко позволял себе больше, чем стакан виски перед ланчем и второй перед обедом.

– Тебе разве уже исполнился двадцать один? – подмигнул сыну Джеймс, изобразив на своем гуттаперчевом лице комика, уже начавшем покрываться первыми глубокими морщинами, гримасу строгого отца.

– Когда это ты начал соблюдать законы? – поинтересовался Дэвид, бросая в свой стакан пару кубиков льда. Он знал, что отец признавал только чистый виски, без льда, лишь с каплей воды, чтобы полностью раскрыть букет, но самому ему нравилось смотреть на то, как тают кубики льда в стакане, и, налив гленморанж восемнадцатилетней выдержки в оба бокала на два пальца, он вручил отцу его порцию и устроился в угол дивана, приготовившись насладиться общением. С тех пор как Дэвид уехал в Йель, он видел отца редко, и ему очень его не хватало.

– С тех пор как нас отымела комиссия по ценным бумагам в две тысячи девятом, – ответил Джеймс, с благодарностью принимая из рук сына хрустальный стакан ручной огранки и поворачивая его в лучах солнца, чтоб насладиться янтарным цветом напитка. – Кое-кто тогда даже отправился сидеть – по счастью, это был не я...

– Ну, за нарушение этого закона тебя не посадят. Максимум – отберут лицензию на торговлю алкоголем, – подмигнул ему Дэвид.

– Это правда. Лучше уж ты выпьешь дома со мной, чем со своими друзьями-гоями в барах в этом вашем очаге культуры, где тебя ещё за это выгонят из колледжа.

– Расскажи мне, с каких это пор ты заинтересовался политикой? – попросил Дэвид.

– Ты ходил в йешиву, сынок, и должен неплохо знать историю нашего народа, – начал Джеймс, купая свой длинный и тонкий нос в благовонных парах из своего стакана.

– Ну ты издалека начал! – засмеялся Дэвид. Знаешь этот анекдот про гоя, который пришёл к еврею и полчаса рассказывал ему о своих бедах, прежде чем попросить денег?

– Расскажи мне, – попросил Джеймс.

– Еврей внимательно его выслушал и, зная, что отдавать гою нечем, попросил его поцеловать себя в плечо. «Почему в плечо?» – поинтересовался гой. – «Ну так ты ведь тоже издалека начал», – ответил ему еврей...

Отец снова зашёлся своим знаменитым смехом.

– Вот, значит, какие анекдоты рассказывают в Йеле! – сказал он, вновь беря свой стакан со столика с лампой «Тиффани» с абажуром из цветного стекла, на который он поставил его, чтобы не расплескать виски. – Да, я начну издалека, но не волнуйся, я быстро перейду к сути... Как ты знаешь, мы – избранный Всевышним народ, и наша история, наряду с Торой и Талмудом, содержит ответ на любой вопрос... Другие народы всегда ненавидели нас за то, что мы умнее, хитрее, изворотливее их. Но нам было обещано, что весь мир будет нашим, и, в общем, сегодня это предсказание сбывается.

– Ну да, это вроде кто-то из Ротшильдов сказал: «Дайте мне возможность контролировать выпуск денег в стране – и мне будет всё равно, кто в этой стране находится у власти».

– Совершенно верно, сынок. Один из наших вечных соперников – Ротшильдов. Мы контролируем деньги здесь, они контролируют их в Европе, но в последнее время ситуация в мире очень сильно осложнилась. Когда Ротшильды начинали свой бизнес, им было достаточно финансировать короля в каждой стране – и этого было достаточно, чтобы контролиро-

вать политику этой страны. Но в какой-то момент один очень умный еврей из Германии, которого звали Карл Маркс, написал книгу под названием «Капитал»...

– Хорошее название! – буркнул Дэвид.

– Но очень нехорошая книга, сынок... Вернее, книга-то сама по себе дельная, но, став достоянием человечества, как это часто бывает, она привела к ряду нехороших последствий. В Европе вокруг этой книги сплотилось большое количество людей (кстати говоря, преимущественно евреев), которые приняли ее как руководство к действию и в начале двадцатого века подарили миру новую идеологию – коммунизм, который был миру нужен, как у нас говорят, как зайцу триппер...

– Да, я в курсе. Коммунисты пришли к власти в России...

– Не только в России, сынок, не только в России. Они пришли к власти и в Германии, и в других странах. Строго говоря, они собирались прийти к власти во всём мире. Эти евреи были нищими, профессорами в университетах, школьными учителями, служащими, но при этом они были голодными, хитрыми и на них, видимо, распространилось благословение Всевышнего, иначе как бы они смогли захватить пол-Европы...

– А Сталин с Лениным тоже были евреи? – поинтересовался Джон.

– Вот они-то как раз евреями и не были. Лейба Троцкий, тот да – тот был самый настоящий еврей. В какой-то момент в России казалось, что он будет диктатором, даже Красной армией командовал. Он тесно, кстати, был связан с банкирами здесь, в Нью-Йорке, – поговаривают, даже золотой запас царской России хотел сюда вывезти. Но потом Сталин его сожрал. Сталин был грузин...

– А это что за народ? – спросил Джон больше из вежливости, чтобы показать отцу, что он слушает. Реально его начинало клонить в сон от виски, пришедшегося очень кстати после титанического напряжения ума в ходе шахматной партии. Он всё ещё не мог поверить, что ему удалось обыграть отца. При этой мысли улыбка сама расцвела на его полных губах.

– Грузия – это маленькая христианская страна на юге России, которую Россия к себе присоединила. Так вот, Сталин, который был самым настоящим бандитом, грабителем банков, оказался хитрее Лейбы Троцкого и не позволил ему подчинить Россию себе, с тем чтобы в дальнейшем спокойно её расхитить со своими американскими родственниками. Он сослал Лейбу в Мексику, а потом послал туда своего человека, и тот проломил ему голову ледорубом...

– Фу, отец, какие зверства перед обедом...

– История вообще состоит из зверств, мой мальчик. Но настоящие зверства начались чуть позже. Большевики в России конфисковали всю собственность, фабрики, банки – абсолютно всё – и начали править железной рукой и вооружаться. Тем самым мы потеряли Россию – она фактически оказалась в руках сумасшедшего грузинского гангстера, и он начал готовиться к тому, чтобы захватить всю Европу, а потом и весь мир. Они перестали брать у нас деньги в долг, а это пагубно сказалось на нашем бизнесе, и мы больше не могли их контролировать.

– Звучит печально – ведь Россия и тогда была богатой страной?

– Безусловно, сынок, богатейшая страна – золото, нефть, алмазы, сто с лишним миллионов трудолюбивых гоев... Что ещё хуже – они подали дурной пример другим странам, и скоро революции вспыхнули всюду, включая Германию...

– Германию? Там же были нацисты с Гитлером?

– Не сразу, сынок, не сразу... Сначала были коммунисты, и они захватили власть в свои руки и так же собирались устроить национализацию. Как ты понимаешь, мы не могли этого допустить...

– Кто «мы», папа?

– Мы – это семьи, которые контролируют мировые финансы. Конкретно в Германии это были Вартбурги, ну и, конечно, Ротшильды. Они стали искать альтернативу коммунистам, чтобы не потерять всё... Тут и появился этот сумасшедший ефрейтор...

– Гитлер? Он был военным?

– Тогда многие были военными. Как раз закончилась Первая мировая. Гитлер сумел предложить немцам идеологию, которая оказалась ещё сильнее и привлекательнее, чем коммунистическая, – национал-социализм. К сожалению, частью этой идеологии был антикоммунизм и антисемитизм. Так мы потеряли Германию. Чуть позднее у кого-то родилась блестящая идея столкнуть двух этих бандитов – Сталина и Гитлера. Так началась Вторая мировая. На той войне мы замечательно заработали. Вообще, война – это хороший бизнес, сынок, поскольку в ней есть огромные военные заказы, а чтобы их финансировать, нужны огромные кредиты.

– Похоже, что наши усилия управлять европейской политикой привели к тотальной катастрофе?

– Ну здесь как посмотреть, сынок... В какой то момент могло показаться, что да. Но когда осел пепел, оказалось, что наша позиция только упрочилась: Гитлер сломал хребет британской империи, сильно потрепал Сталина, так что тому пришлось на какое-то время забыть о мировой революции, а Америка с атомной бомбой воцарилась над миром. Доллар сменил фунт в качестве мировой валюты... У евреев впервые за две тысячи лет появилось своё государство – Израиль... Пусть и говённое, конечно, – хрюкнул себе в стакан Джеймс, – но всё же государство, член ООН, возможность влиять на мировую политику уже непосредственно...

– Отец, а как быть с холокостом?

– Дэвид, холокост сопровождал нас от начала времён. Он начался ещё в Египте, откуда нам пришлось бежать, и продолжался всё средневековье, когда везде гои устраивали погромы. Вся наша жизнь – это борьба с холокостом. Если ты вдумаешься, то умные и богатые люди, тем более если они отличаются по своей вере, всегда вызывают отторжение у своих соседей. Особенно в тот момент, когда соседи заняли у них денег и неожиданно поняли, что оказались от них зависимы. То, что произошло во Вторую мировую, – это, так сказать, кульминация. И наша задача – никогда не допустить повторения этого...

– Поэтому ты и хочешь, чтобы я занялся политикой?

– Упаси боже, сынок, я не хочу, чтоб ты ею занялся! Ты плохо меня слушал? Видишь, что получилось, когда мы ею занялись в Европе? Ты, как и пять поколений в нашей семье, должен заняться финансами... Но тебе стоит разобраться в том, как работает политика, – только так ты сможешь достигнуть большего, чем достиг я... пойдём посмотрим, что там у мамы на обед сегодня...

«Интересно устроена наша жизнь, – думал Дэвид, развалившись на заднем сиденье немецкого автомобиля, нёсшего его на экономический форум в Давосе. – Тридцать лет назад отец предвидел, как сложится моя жизнь... Удивительно!»

Он не спеша подтянул к себе свой портфель из кошерной говяжьей кожи, чтобы ещё раз пройтись по тезисам своего доклада о выбросах углекислого газа в атмосферу и их возможного влияния на современный мир.

Глава 2

Давос

Дэвид решил сначала разместиться в отеле. Занимая пост председателя правления одного из крупнейших инвестиционных банков в мире, он привык к тому, чтобы останавливаться в самых лучших отелях мира и зачастую в президентских номерах, но при форуме в Давосе приходилось смириться, что здесь обычно собирались сильные мира сего, и его номер в отеле «Интерконтиненталь», который фантазмагорическим золотым яйцом возвышался над городом, был самым обычным двухкомнатным номером, хоть и обошёлся банку в две тысячи долларов в день. Номера пошарнее были предназначены для президентов и премьер-министров. По оживлению в холле было ясно, что большинство делегатов уже здесь. Отправив своего ассистента в очередь на стойку регистрации, Дэвид устроился в кресло в главном зале, вновь достав из портфеля полный текст доклада.

Он всегда составлял свои выступления сам, кроме тех случаев, когда считал его полной формальностью, а завтрашнее выступление никак формальностью не было. Два года назад он создал специальную рабочую группу в аналитическом отделе банка, задачей которой было, используя традиционные методики моделирования финансовой ситуации, выстроить прогноз развития ситуации глобального потепления. Произошло это потому, что на стол к нему попал проспект выхода на рынок акций фирмы, которая во Флориде занималась установкой солнечных панелей. В нём он впервые увидел график повышения уровня углекислого газа в атмосфере. Кривая на какое-то время привела его в ступор. С момента индустриальной революции рост шёл по экспоненте. Имея дело с цифрами всю свою жизнь, он прекрасно представлял себе, куда ведёт такая кривая, – она вела в жопу. Однако прежде, чем паниковать, следовало выяснить, кто и как собрал эти данные.

В группу он включил двоих самых лучших специалистов, попросил их работать независимо друг от друга и через неделю прийти с результатами. Результаты оказались крайне неутешительными – как выяснилось, рост кривой должен был уверенно продолжаться, и не похоже было, что те вялые меры, которые принимали правительства на протяжении последних десятилетий, оказывали какое-то серьёзное влияние на кривую. На следующий день он собрал в малом зале заседаний на сорок втором этаже этих двоих – Моше Лейтмана, маленького толстого пейсатого еврея в костюме от Армани, и Раджа Тагора, молодого красивого индуса, который вполне мог бы стать героем-любовником в одном из индийских фильмов, – вместе со своим ассистентом Линдси Прагг, худощавой женщиной неопределённого возраста, которую он очень ценил за то, что она была в курсе всех его дел. Он также пригласил руководителя отдела прогнозирования финансовых рынков, ветерана компании Соломона Кейна – прожжённого старого бойца, который помнил ещё кризис восемьдесят седьмого года. Дэвид сознательно не хотел собирать большего количества народу – Соломон мог сам раздать задание в своём отделе, а лишние слухи о том, что президент тронулся умом на почве экологии, были ему совершенно ни к чему.

Выслушав краткий доклад Раджа о том, как растёт концентрация углекислого газа в атмосфере, Соломон сделал недоумённый вид и обратился к Дэвиду с вопросом, зачем его пригласили на это совещание.

– Вам бы лучше было пригласить сюда Грету Гунберг, – с присущим ему тонким юмором заметил он, продолжая рисовать в своём блокноте причудливые загогулины. – А мне бы следовало заняться тем, чтоб посмотреть, как повлияет на рынок тот новый дериватив, который только что начали предлагать ребята из Сити Банка.

– Соломон, ты меня знаешь двадцать лет и вряд ли можешь назвать меня паникёром...

– Босс, мы вместе пережили две тысячи восьмой, и я готов официально засвидетельствовать, что за всё время ты запаниковал два раза, и каждый раз это принесло нам хорошие деньги, – ответил тот, понимая, что любой юмор только выигрывает, если немного проложить его лестью, но я не понимаю, какого прогноза ты ждёшь от меня в этой ситуации. Я не в состоянии оценить, как рост этой кривой повлияет на рынки... Вернее – в состоянии. Рост этой кривой никак на рынки повлиять не может, поскольку она к ним не имеет никакого отношения.

– Соломон, вопрос не в том, как эта кривая влияет на рынки. Если верить учёным, выброс газа ведёт к потеплению, а это, в свою очередь, – к различным природным катаклизмам.

– Ну да, поэтому акции страховых компаний мне не кажутся хорошей покупкой в ближайшем будущем, – ехидно заметил тот. – Но это вам уже наверняка сообщили Радж и Моше...

– Ты дашь мне договорить?

– Прости, босс, я умолкаю.

– Так вот, меня сложно назвать паникёром, и я понимаю, что нам бессмысленно пытаться моделировать изменения климата. Я хочу сказать о другом: очевидно, что изменения климата происходят, – это может подтвердить любой из вас. Каждая последующая зима в Нью-Йорке теплее предыдущей, а в этом году зимы вообще практически не было. Так же как установили Моше и Радж, на кривую практически не повлияли меры, принятые до сих пор, – все эти ограничения эмиссий, продажа специальных сертификатов энергетикам и так далее... Правильно я говорю, Моше?

Моше поддержал его кивком, понимая, что вопрос носит риторический характер и не желая прерывать речь шефа.

– Всем нам ясно, что при таком росте кривой, если права та часть климатологов, которые предрекают невозвратные изменения, вполне возможно, с катастрофическими последствиями для человечества – типа разворота Гольфстрима, глобальной засухи, подъёма уровня Мирового океана, – окажется права, то это не то, что повлияет на рынки. Это может вызвать их коллапс.

Было очевидно, что он завладел вниманием всех собравшихся. Линдси смотрела на шефа, чуть приоткрыв рот, Соломон перестал рисовать свои завитушки, Моше нервно ухватил себя за пейсы, а Радж вцепился крепкими зубами в карандаш, словно собирался его перекусить.

Выдержав свою знаменитую паузу, Дэвид обвёл их взглядом и продолжил:

– Мой долг как президента этого банка – предусмотреть такой сценарий развития событий. Однако для того, чтобы исполнить свой долг наилучшим образом, мне следует разобраться в том, какие составляющие заставляют расти концентрацию газа. Расскажите нам об этом, Моше.

Прокашлявшись, Лейтман поправил очки и приступил:

– В ходе последней недели я изучил доступную мне информацию и считаю, что, хотя первопричиной является рост населения Земли как таковой, то непосредственной причиной служит повышение уровня потребления в развивающихся странах. Это прежде всего покупка личного транспорта, но также и различной бытовой техники – кондиционеров, стиральных и сушильных машин. В немалой степени росту CO₂ способствует и отход значительной части населения земли в таких странах, как Китай и Индия, от вегетарианской диеты и переход к диете, более богатой протеинами. Свою роль играет и рост туристической индустрии и авиационных перевозок.

На сегодняшний день Китай уже производит больше CO₂, чем Соединённые Штаты Америки. Китай и Индия совместно выбрасывают в атмосферу более 50% всего мирового углекислого газа. Как Китай, так и Индия в последние десятилетия осуществляют ряд программ по снижению рождаемости, однако рост потребления в этих странах продолжается и поведёт

к росту выбросов в атмосферу, по моим оценкам, на 10—15% в год в течение ближайших пяти лет. Необходимо учитывать также, что в странах, религией в которых является ислам, никаких мер по ограничению рождаемости не принимается, и когда в этих странах начнётся подъём уровня жизни, это вызовет дальнейший скачок эмиссий. Вот графики, которые убедительно показывают...

В этот момент Дэвид прервал его, зная, что всё главное уже сказано:

– Спасибо, у меня, да и, наверное, у всех вас возникает вопрос: а можем ли мы сделать что-нибудь, чтобы как-то повлиять на эмиссии CO₂?

– Конечно, мистер Виргенштейн, – вступила в разговор Линдси, чтобы продемонстрировать, что она не зря приглашена на это совещание. Тема была ей близка – как всякая одинокая эмансипированная женщина, она уделяла массу времени экологии и охране окружающей среды. – Я, к примеру, уже пять лет не ем мяса, на работу езжу на метро, путешествую только на поезде...

– Спасибо, Линдси, это прекрасно, но я имел в виду, что мы можем сделать как организация...

– Мы могли бы устраивать дни, когда все сотрудники должны приезжать на работу на метро, подавать больше вегетарианских блюд в кафетерии...

– Линдси, – не выдержал Моше, – Дэвид имеет в виду, как банк может повлиять на ситуацию как кредитная организация. К примеру, мы могли бы предоставлять кредиты на льготных условиях фирмам в сфере альтернативной энергетики. Мы могли бы полностью перестать сотрудничать с компаниями, которые загрязняют атмосферу выбросами CO₂, или предложить им специальные условия для финансирования капитальных вложений на очистные сооружения.

– Прекрасная мысль, Лейтман! Подготовьте мне список таких мероприятий и оценку, сможем ли мы на этом заработать, – поручил ему Дэвид.

– Босс, если наша цель – создать себе положительный паблисити, то такие меры могут к этому привести, – заметил Соломон, поправляя на носу очки в золотой оправе от «Картье», – но если нашей целью является как-то реально повлиять на ситуацию в мире, то тут вам должно быть ясно, что мы, увы, не мировой монополист на финансовых рынках, и наш реальный вклад – это капля в море. Ну хорошо, пусть капля в море – это то, что делает Линдси, а наш вклад будет как ведро... – подмигнул Соломон помощнице Дэвида. – Тут вопрос скорее политический: англичане недавно приняли закон, по которому с 2025 года у них в стране больше не будут продаваться машины с двигателями внутреннего сгорания.

– Ну, у нас до такого закона ещё далеко, – заметил Радж. – У нас нефтяное лобби одно из самых влиятельных в стране, пусть Буш уже и не президент...

– Босс, между нами говоря, если вы хотите произвести приятное впечатление на форуме в Давосе, куда, как мы знаем, вы едете через две недели, то это одно, – продолжал гнуть свою линию Соломон, которому начинала надоедать эта комедия, смысла которой он не понимал. Его всегда раздражали вещи, которых он не понимал. – Если вы хотите реально повлиять на ситуацию, то убедите своих друзей в Вашингтоне прекратить финансовую помощь голодающим в Африке – пусть они перестанут портить воздух... – Тут Соломон скорчил гримасу человека, собирающегося испортить воздух, чем вызвал улыбки всех собравшихся, включая Дэвида. – Вместо еды поставьте им оружие – пусть убивают друг друга... Пусть остаются в разрухе и нищете, вместо того чтобы покупать себе новые автомобили и посудомойки. Раздайте им презервативы в конце концов – пусть прекратят плодиться, как кролики...

– Соломон, я вынужден открыть вам страшную тайну, – ехидно сообщил Дэвид, опираясь на полированный стол для заседаний. – Мы (тут я имею в виду США) примерно так и поступаем всё время, но кривая продолжает рост.

– Тогда следует перейти к более радикальным мерам, – предложил Моше.

– Это к каким же? – поинтересовался Дэвид.

– Я помню, что лет тридцать назад, когда появился вирус СПИДа, в газетах много писали о том, что этот вирус был разработан у нас в военных лабораториях, чтобы ограничить рождаемость в странах Азии и Африки...

– Ну да, раздавать им презервативы мало – нужно ещё убедить их ими пользоваться, встрял Соломон. – А что может убедить лучше, чем страх смерти?

– Я на прошлой неделе закончила читать последнюю книгу Дэна Брауна, – с торжеством сообщила Линдси, – там такой сюжет, что один магнат разрабатывает вирус, который должен сделать половину населения Земли бесплодными...

– Да, это точно бы помогло с эмиссиями, – поддержал её Радж, – но мистер Виргенштейн вряд ли захочет предлагать такое решение на экономическом форуме в Давосе. Такую шутку там многие могут не оценить...

– Босс, я должна предупредить, что у вас через двадцать минут телефонный разговор с президентом Морган Стэнли, так что если вы хотите провести его из своего кабинета, то нам пора собираться, – сообщила Линдси со скрытым торжеством в голосе, явно довольная тем, что может продемонстрировать свою власть, пусть это и была лишь власть расписания, над Дэвидом.

– Спасибо, Линдси... Я прошу всех изложить мне в форме служебной записки свои мысли о том, как мы в состоянии самостоятельно и в сотрудничестве со всем миром финансов оказать влияние на снижение эмиссий CO₂. Записки должны быть у меня завтра утром, и вполне возможно, что в своём докладе в Давосе я их использую. От мыслей, которые здесь излагали Моше и Соломон, прошу отказаться. Они нам ни к чему, они скорее подошли бы представителям гитлеровской Германии, – подвёл итог Дэвид.

При упоминании гитлеровской Германии лица присутствующих вытянулись. Дядя Соломона закончил свою жизнь в газовой камере Освенцима, и об этом знали как минимум трое из присутствующих – сам Соломон, Дэвид и Моше.

Попрощавшись за руку со всеми, Дэвид бодро направился к лифту на последний этаж, где находился его кабинет, в сопровождении своего помощника. Ему пришла в голову мысль попросить Линдси принести ему эту книгу Дэна Брауна, но потом какое-то внутреннее чувство подсказало, что не стоит этого делать. Дэвид привык доверять своему внутреннему чувству, считая, что во многом благодаря ему он стал тем, кем стал, обойдя по пути наверх массу конкурентов, которые были умнее его и обладали более серьёзными связями.

Книгу он купил себе, зайдя по пути домой в книжный магазин «Чаптерс», и заплатил за неё наличными.

Сидя в мягком кресле холла отеля «Интерконтиненталь» в Давосе и лениво просматривая заметки к своей завтрашней речи, которую он уже знал практически наизусть, Дэвид предвкушал, как вечером почитает эту книгу.

Когда Линдси, зарегистрировавшись на стойке, принесла ему карту от номера, он поблагодарил её и сразу отпустил, зная, что, поскольку «Интерконтиненталь» переполнен, ей пришлось остановиться в другом отеле, а значит, предстояло ещё добираться туда на такси.

Войдя в свой номер и осмотрев вид из окна на поросшие лесом горы, всё ещё укрытые снегом, он удовлетворённо хмыкнул, быстро принял душ и, почувствовав, что глаза его уже слипаются, лёг спать, предварительно заказав звонок от портъе по телефону в восемь утра.

Ему показалось, что телефон прозвонил сразу, как только его голова коснулась подушки и он уснул. Дэвид на ощупь нашёл трубку и услышал, как портъе пожелал ему доброго утра с чуть слышным немецким акцентом. «Я в Давосе», – подумал он, ощущая, что в Нью-Йорке сейчас три часа ночи, каждой клеткой своего шестидесятилетнего тела. С трудом разлепив глаза, в которые как будто кто-то насыпал песка, наполовину наощупь он двинулся в ванную.

Пятиминутный контрастный душ позволил ему если не полностью прийти в себя, то вспомнить, что у него есть час на то, чтобы привести себя в порядок, позавтракать и добраться до конгрессового центра. «Нда, – подумал он. – Раньше мне надо было принять шесть двойных виски, чтобы так ужасно чувствовать себя поутру, а теперь достаточно просто перелёта в Европу».

Облачившись в новый костюм от «Бриони» из трёх, что он привёз с собой (один на каждый день плюс ещё один на всякий случай), Дэвид взял свой портфель с текстом доклада и двинулся по направлению к лифту. Лифт пришлось ждать долго – все постояльцы сегодня вставали примерно в одно и то же время, поскольку направлялись на это мероприятие. И гвоздем этого мероприятия должна была стать речь Дэвида.

Пройдя через заполненное до отказа лобби в огромный ресторан, он с трудом нашёл свободный столик на одного. Наскоро загрузив в себя миску овсянки и порцию яичницы с беконом (обычно Дэвид старался питаться здоровой пищей, но сегодня ему хотелось задать желудку работу посерьёзнее, чтобы тот не беспокоил его чувством голода) и просмотрев первую полосу «Уолл-стрит Джорнал» со статьёй о форуме в Давосе, он двинулся к выходу и встал в очередь к шаттлу, который отвозил всех желающих в конгрессовый центр. Ему повезло – шаттл прибыл быстро, и удалось сесть сразу за водителем.

Путешествие на автобусе по заснеженным улицам Давоса было недолгим – через пять минут он уже вышел на площадку перед обшитым оранжевыми панелями современным зданием, в котором сегодня ему предстояло выступить перед политической и экономической элитой современного мира.

Дэвид часто выступал публично – его приглашали читать лекции в университеты, от чего он никогда не отказывался. Он любил ездить и на банковские конференции – ему нравилось чувство единения с аудиторией и то, как он умел манипулировать ею. Несмотря на это, важность момента давила на него, и, идя по длинному коридору после двух проверок службы безопасности вместе с Линдси, которая встречала его в фойе и явно выглядела невыспавшейся, он ощущал, как его желудок время от времени пытается выбросить проглоченный наспех завтрак.

– Ни пуха, ни пера, босс! – пискнула ему в ухо помощница перед последним охранником, который проконтролировал, что перед ним действительно докладчик, и широким жестом пригласил его к трибуне. Выйдя на залитую светом сцену, Дэвид несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, и обратился к залу, который отсюда, с трибуны, выглядел огромной чёрной ямой.

– Уважаемые дамы и господа, для меня большая честь сегодня – обратиться к вам на этом замечательном форуме! Хочу сразу заметить, что тема моего доклада – повышение концентрации CO₂ в воздухе нашей планеты – несколько необычна для меня, но в течение последних месяцев я пришёл к выводу, что ситуация становится настолько критической, что у меня не остаётся другого выхода, кроме как воспользоваться этой высокой трибуной и привлечь ваше внимание к проблеме, которая, вполне возможно, является самой серьёзной из тех, с которыми человечество столкнулось за всю историю своего существования. – С этими словами Дэвид нажал на кнопку указки, вызвавшей на экран за его спиной первый слайд – график роста концентрации углекислого газа в атмосфере. – На этом графике ясно видно, что концентрация CO₂ растёт экспоненциально, иначе говоря – в геометрической прогрессии, когда всё, что накоплено за время существования человечества, служит базисом для того, что неумолимо прибывает каждый год. Я уже сорок лет работаю с цифрами и графиками, ведь график – это всего лишь графическая интерпретация цифр, позволяющая нам, в далёком прошлом охотникам и собирателям, лучше воспринять и осознать численную информацию с помощью наиболее развитого у нас эволюцией канала – зрительного. Я мог бы часами рассказывать вам о том, как растёт концентрация парниковых газов в воздухе, – но вот одна картинка, которая даёт вам ясное представление за несколько секунд. Когда я увидел этот график, дамы и господа,

я был до смерти напуган! – Здесь Дэвид сделал многозначительную паузу, обводя взглядом зрительный зал и стараясь передать ему эту эмоцию страха, беспричинного животного ужаса, который живёт в каждом и связан с инстинктом самосохранения. – Все вы, конечно, знаете, что у нас, банкиров, чувство страха развито гипертрофированно, это, можно сказать, наша главная профессиональная деформация. Мы осторожны, потому что для нас важнейшей задачей является сохранение вашего капитала, доверенного нам (здесь Дэвид, безусловно, лукавил: главной задачей его, да и других банкиров, всегда было, есть и будет приумножение собственного капитала, но публике об этом знать не полагалось).

Сполна насладившись мёртвой тишиной тёмной ямы зала, он продолжил:

– Напугала меня прежде всего форма этой кривой – то, как резко она пошла вверх в течение последних двух десятилетий. Я абсолютно не готов дискутировать со специалистами-климатологами о том, в какой степени сегодняшние концентрации парниковых газов могут вести к изменению климата. Что я вижу на этом графике? – Тут он поменял этот слайд на следующий, на котором кривая была продолжена в будущее до 2050 года. – То, что концентрация растёт всё быстрее, и если сегодняшние уровни ещё не оказывают того влияния, которое было бы достаточно для изменения климата, то уровни, которых мы достигнем ещё через десять, пятнадцать, двадцать лет, такое влияние уже окажут. Мне шестьдесят один год, моему отцу восемьдесят шесть; я тоже хотел бы дожить до его возраста, и я не представляю, как буду летом в Нью-Йорке ходить на работу в костюме, а не в трусах, если температура повысится ещё хотя бы на пару градусов по сравнению с тем, что было минувшим летом. (Он знал, что атмосферу необходимо разрядить, и позволил себе намёк на шутку именно с этой целью. На работу Дэвид пешком не ходил, а ездил в кондиционированном лимузине с персональным водителем, но он давал аудитории возможность представить его в трусах – и, судя по смешкам в зале, эта мысль публике понравилась.) В связи с этим я дал задание лучшим умам «Волман Тракс» – подготовить полный отчёт о том, что вызывает рост, который мы видим на графике, и как мы можем повлиять на его замедление. К сожалению, их выводы были неутешительны: главной причиной роста CO₂ является экономический рост, в основном в развивающихся странах, и наши робкие усилия как-то купировать этот рост абсолютно бессмысленны, ведь такой рост давно провозглашён политиками и экономистами за главную цель, практически за смысл существования человечества. – Здесь Дэвид продемонстрировал слайды о росте потребления в развивающихся странах, подготовленные Моше. – Люди хотят покупать себе автомобили, кондиционеры, стиральные и посудомоечные машины, они хотят есть мясо вместо риса, и мы не в состоянии обуздать эти их желания. Однако когда люди не в состоянии обуздать свои желания, они должны быть готовы к последствиям удовлетворения этих желаний. Каковы же могут быть последствия?

Дэвид выдержал ещё одну паузу – на этот раз чуть более долгую, – прислушиваясь к тишине в зале.

– Существует ветвь финансового анализа, которая называется техническим анализом. Она базируется на том, что графики любых процессов (не обязательно финансовых – это могут быть любые физические процессы, например взрывы) ... – тут он добавил к первому слайду второй, демонстрирующий подобную кривую, с заголовком «Изменение давления в центре ядерного взрыва», – ... развиваются по определённым законам, и если некий процесс отображается определённым графиком, то высоки шансы, что дальнейшее его развитие пойдёт подобно тому, как идёт развитие других процессов с подобными графиками.

Здесь Дэвид вывел на экран последнюю иллюстрацию к своему выступлению – несколько экспоненциальных кривых, ломающихся в стремительно падающую линию.

По залу прокатился лёгкий вздох.

– Некоторые из вас уже осознали, что представляет такое развитие кривой выброса парниковых газов для человечества, – сказал Дэвид, наклоняясь над кафедрой для увеличения

драматического эффекта. – По какой причине выброс газов может резко прекратиться? Когда перестанут летать самолёты, ездить автомобили, работать электростанции, так, чтобы на графике загрязнения атмосферы нашей планеты образовался подобный излом? Что это за событие? – вопрошал он, наслаждаясь поднимающимся в зале обеспокоенным гулом. – Климатическая катастрофа? Война? Эпидемия?

Он дал этим словам прокатиться над залом и затем, снизив уровень своего голоса до нормального, продолжил:

– Я всего лишь банкир. Я не учёный и не, спаси Всевышний, пророк. Я отнюдь не предрекаю конец света, я просто хочу обратить ваше внимание на то, что у всех у нас, похоже, есть одна общая проблема. Важная проблема, которая требует немедленного радикального решения. Мы можем сломать эту кривую по своей собственной воле – к примеру, запретив использование двигателей внутреннего сгорания, – или можем дожидаться того, когда кривая сломается без нашего участия. Я лишь очень надеюсь, что, когда она сломается без нашего участия, это не будет означать конец нашей цивилизации. Спасибо за внимание, дамы и господа.

С этими словами Дэвид собрал свои заметки с кафедры и, сознательно не выключая последнего слайда, двинулся к выходу со сцены. Уже дойдя до половины, он услышал, как в тёмном зале за спиной редкие хлопки слушателей начинают переходить в мощную волну аплодисментов.

Глава 3

Нью-Йорк

Выйдя со сцены и отмахнувшись от восторженных поздравлений Линдси, он спросил охранника, как ему пройти к чёрному ходу. В его планы не входило общаться с журналистами или с другими участниками форума; само выступление было достаточно скандальным, и он был уверен, что отказ от интервью только подогреет интерес прессы и общественности к теме, которую он поднял. По той же причине он улетел в Нью-Йорк в тот же день.

На следующий день в девять утра он, как всегда, вошёл в лобби здания «Волман Тракс». Уже подходя к зданию, он понял: что-то не так, как всегда, – огромное лобби, отделанное зелёным мрамором, было до отказа забито сотрудниками банка, которые устроили ему бурную овацию. Пока он продвигался к лифту через их плотные ряды, ему пожимали руки, хлопали по плечам, а он лишь растерянно улыбался, гадая, кто же устроил ему такую встречу. Подозрение в первую очередь падало на Линдси, но она, очевидно, не обладала рычагами, чтобы организовать всё это, разве что дала объявление по громкой связи, придя на работу заранее. Уже заходя в лифт, он понял, в чём дело: в руках у многих сотрудников были газеты. Дэвид выхватил одну из них у ближайшего к лифту, торопливо нажал на кнопку последнего этажа и, облегчённо вздохнув, когда двери отрезали его от толпы, развернул первую полосу. С неё на него смотрело его собственное фото на трибуне Давоса с огромным заголовком: «Виргенштейн предрекает апокалипсис».

«Нда, и в суд на них за это не подашь...» – скривился он, выходя из лифта. На последнем этаже здания находились лишь его кабинет, приёмная, в которой царил Линдси, и малый конференц-зал. «По крайней мере, не придётся раздавать автографы...» – вяло мысленно пошутил он. Телефон на столе Линдси не умолкал. Она приветствовала его сочувствующим кивком, одновременно пытаясь отшить очередного звонившего. Не отвечая на её приветствие, Дэвид пулей проскочил себе в кабинет, сбросил пальто на диван у дверей и бухнулся в своё капитанское кресло за большим столом из белого морёного дуба, за которым из огромного окна во всю стену открывался панорамный вид на Нью-Йорк.

Он снова развернул газету. «Так вот они, мои пятнадцать минут славы... Как бы меня не стали называть „Виргенштейн-Тумберг“...» – промямлил он, пробегая глазами статью, и гримаса озабоченности на его лице несколько раз сменилась задумчивой улыбкой. Он поднял трубку внутреннего телефона и попросил Линдси не соединять его ни с кем.

– Ваш отец только что звонил... – начала она робко.

– Линдси, если позвонит Всевышний, скажите, чтобы он перезвонил завтра... – раздражённо буркнул Дэвид и бросил трубку.

Откинувшись на спинку кресла, он мягко покачивался в нём, наблюдая за тем, как за окном собираются над Гудзоном плотные дождевые облака.

Дэвид знал, что его речь будет услышана. Он не предполагал, что выйдет статья на первой полосе в «Уолл-стрит Джорнал», но в общем и целом это было хорошо – в конце концов, как принято говорить, любое паблисити – это хорошее паблисити...

Об одной важной вещи он, однако, не упомянул в своей речи в Давосе, справедливо полагая, что это вряд ли поможет делу. Когда Радж с Моше принесли ему свои докладные по поводу CO₂, Радж задержался у него в кабинете.

– Мистер Виргенштейн, – сказал он, – я пропустил кривую концентрации газа в атмосфере через свою программу технического анализа. Вот тут данные, С вероятностью восемьдесят четыре процента в течение двух лет она достигает пика с последующим падением на тридцать процентов...

– И что это значит, Радж?

– Это ничего не значит, шеф... Это просто технический анализ.

– Хорошо. Что может привести к такому обвалу?

– Ну, скажем, технологический прорыв: придумают новые недорогие аккумуляторы для электромобилей, или кто-то придёт с промышленно пригодной технологией термоплазменного синтеза...

– Или?

– Или начнётся ядерная война, – меланхолично сообщил Радж. – Разрешите идти, босс?

– Идите и помалкивайте об этом...

– Конечно, босс...

Рассказывать об этом в Давосе никак не стоило. Одно дело – говорить о возможном конце света вообще, другое – сообщить широкой публике, что с вероятностью восемьдесят четыре процента он наступит в течение ближайших двух лет. Дэвид сделал своё дело. Теперь нужно было подождать и посмотреть, как отреагируют на всю эту шумиху политики. Если их реакцией, как обычно, будет много болтовни и мало действий – ну что же... У него уже начал зарождаться план, который поможет ему спасти планету. И чем больше он думал об этом плане, тем больше он ему нравился. Как говорил отец, за всё нужно платить. Очевидно, что для человечества приближалось время расплаты по счетам.

Глава 4

Нью-Йорк

На следующий день Дэвиду позвонил Джек Рид и пригласил на встречу. Джек был президентом Сити-банка – крупнейшего коммерческого банка в США. Исторически сложилось так, что все банки страны были разделены на две категории: коммерческие и инвестиционные. Первые занимались работой с вкладчиками, потребительским и ипотечным кредитованием, выпуском и обслуживанием кредитных карт – в общем, традиционными банковскими операциями. Вторые же занимались преимущественно вложением средств в различные финансовые инструменты, акции, облигации, деривативы, помогали новым компаниям выходить на биржи, спекулировали на валютном и фьючерсном рынках. Такое разделение банков на два типа было придумано для того, чтобы оградить вкладчиков от рисков инвестиционных рынков и помешать банкирам играть на биржах на их деньги. Иными словами, если американцу были нужны кредитная карта или заём на дом, он шёл к Джеку Риду, а если он собирался размещать акции своего стартапа на бирже – то к Дэвиду Виргенштейну.

На практике обе ветви были тесно связаны между собой – каждая из них была частью финансовой системы. И хотя они редко конкурировали между собой напрямую (например, при финансировании крупных корпораций), существовала между ними и конкуренция в борьбе за кадры. Лет двадцать назад Джек даже какое-то время работал вместе с Дэвидом в одном из банков федеральной резервной системы, и им случалось вместе проводить время после работы. Хотя, если Дэвид помнил правильно, дело всё-таки всегда ограничивалось барами и никогда не доходило до стрип-клубов. Однако это давало им возможность мгновенно настроиться на одну волну, и между ними существовало нечто вроде студенческого братства, хотя Джек окончил Колумбию, а Дэвид учился в Йеле. Приходя к Джеку, Дэвид никогда не мог избавиться от ощущения себя «младшим братом» – возможно, потому, что и капитализация, и объём активов банка Джека превышали эти показатели в банке Дэвида почти в десять раз, а число работников – так и вообще в двадцать (это было связано с тем, что Джек вёл бизнес с гораздо большим количеством клиентов: под его началом была целая армия клерков – более двухсот тысяч человек).

Когда водитель открыл Дэвиду дверь его «майбаха» у ступеней здания штаб-квартиры Сити на Манхэттене, тот не удержался и взглянул вверх, чтобы оценить высоту здания «Сити Групп Центра», которое, как он знал, было раза в полтора выше, чем здание «Волман Тракс». Поднявшись по ступеням в отделанное белым мрамором и нержавеющей сталью лобби, чем-то напоминающее огромную операционную, он был встречен ассистентом Джека – спортивного телосложения парнем в безупречно-голубом костюме и с белоснежной улыбкой во все тридцать два зуба.

– Рад вас снова видеть в Сити, мистер Виргенштейн! – приветствовал его тот, открывая турникет своим пропуском и жестом приглашая Дэвида следовать за ним к частному лифту президента банка в дальнем углу лобби.

– Спасибо, Сэм! – подмигнул ему Дэвид, в очередной раз поражаясь тому, как его памяти удаётся удержать в себе тысячи имён всех этих людей, многих из которых он не видел годами. Говорят, что Иосиф Сталин помнил имена и отчества десяти тысяч сотрудников-управленцев по всей стране. Дэвид не знал, было ли у него их в голове десять тысяч, но стоило ему один раз увидеть человека и услышать его фамилию – как при следующей встрече, даже если она случалась через пару лет, имя само выскакивало у него в мозгу, как чёрт из табакерки. Это неизменно производило впечатление на людей и создавало у них ощущение собственной значимости, наряду с симпатией к Дэвиду, что не раз помогало тому в жизни.

Скоростной лифт за две минуты преодолел более двухсот метров и открыл двери в приёмную Джека, которая в точности повторяла (правда, в меньшем масштабе) лобби внизу – с той лишь разницей, что одна из стен была полностью стеклянной. Сэм распахнул перед Дэвидом трёхметровые двери из нержавеющей стали, жестом приглашая его пройти в кабинет.

Джек Рид уже катился ему навстречу. Это был невысокий человек с лысой, как бильярдный шар, головой, одетый в костюм-тройку тёмно-синего цвета с белоснежной рубашкой и ярко-красным галстуком. На его запястье поблёскивал красным золотом хронограф от Аэудемара Пике, выгодно оттенявший его бронзовый загар.

– Дэвид! Рад тебя видеть, старый разбойник! – воскликнул Рид, крепко захватив руку Виргенштейна в свою и одновременно приобнимая его за плечи.

– И я рад тебя видеть, Джек! Откуда такой загар в это время года?

– Мы с Мэри только что вернулись из Флориды. Из Мар-а-Лаго.

– Ух ты! Неужто были в гостях у Дональда?!

– Да, президент приглашал нас на выходные сыграть в гольф. – Джек провёл Дэвида в отдельную зону кабинета за перегородкой, усадил на кожаный диван и сам уселся напротив, жестом предложив тому напитки из невысокого бара в углу. Однако Дэвид отказался, посчитав, что десять утра – всё же не самое подходящее время для виски.

– Звучит неплохо! И какой он в жизни, Дональд?

– А ты что, никогда с ним не встречался?

– Я был на обеде после инаугурации в Белом доме, поскольку мы дали ему миллион долларов на предвыборную кампанию.

– Как и Хиллари, я предполагаю?

– Конечно, это же традиция – мы всегда спонсируем обоих кандидатов. Что даёт нам возможность обратиться к президенту вне зависимости от результата выборов. На обеде он пожал мне руку, я с ним сфотографировался, но возможности поговорить с ним у меня не было.

– Немного же ты получил за свой миллион! Дональд производит серьёзное впечатление. Я встречался с тремя президентами – и, конечно, эта должность всегда «набрасывает» на человека определённый ореол. А Трампа я знаю много лет – ведь мы финансировали ряд его проектов. Он огромного роста, плотный и к тому же производит впечатление очень сильного человека. Энергия у него бьёт через край – иной раз кажется, что он вот-вот взорвётся! Кроме того, он очень плохой слушатель – если в разговоре его что-то затрагивает, он сразу же заводится и переходит на монолог.

– Вы обсуждали с ним и какие-то деловые вопросы в Мар-а-Лаго?

– Естественно, он пригласил меня не как друга! Я вообще не уверен, что у такого человека могут быть друзья! Мы обсуждали, в частности, твоё выступление в Давосе. Да-да, оно произвело впечатление даже на президента!

– Ух ты! Я знал, что он был в Давосе, но, насколько тебе известно, меня он не любит...

– Это понятно – после того, какую позицию вы заняли в две тысячи девятом при пролонгации его кредитов...

– Я в то время ещё не был президентом «Волман», к тому же его финансовая ситуация...

– Дэвид, ты здесь не для того, чтобы оправдываться перед президентом, а тем более передо мною! К тому же мы оба знаем, что он прежде всего делец, и риск, на который он готов пойти, чтобы заключить очередную сделку, зачастую превышает аппетиты даже таких финансистов, как мы с тобой. Он прежде всего хотел узнать моё мнение о том, насколько вообще научно обоснованы эти твои выводы с графиками.

– И что же ты ему сказал? – поинтересовался Дэвид, с удовлетворением обнаружив среди бутылок в баре гленморанж с синей этикеткой и решив всё же отпраздновать встречу со старым другом. Он взял стакан и предложил хозяину присоединиться.

– Что ж, пожалуй, – хмыкнул Джек, – не так часто мы видимся, особенно при таких странных обстоятельствах. Если бы кто-нибудь сказал нам двадцать лет назад в Чикаго, что ты станешь президентом «Волман Тракс», я стану президентом «Сити Групп», и мы будем обсуждать, что думает о твоей речи о глобальном потеплении президент Трамп, мы бы вряд ли поверили!

– Особенно в то, что Дональд станет президентом, – ответил Дэвид, протягивая хозяину стакан виски со льдом. – Насчёт тебя я никогда не сомневался, что далеко пойдёшь. Если бы меня кто-то спросил в тот момент, я бы скорее видел в кресле президента США тебя, чем Дональда или, если уж на то пошло, Барака...

– Ну да! Вы ведь, евреи, страшные расисты! – подколот его Джек, поигрывая кубиками льда в своём бокале.

– Хорошо, что нас никто не слышит, но я помню, что, когда в своё время вышел фильм «Армагеддон», где к земле приближается астероид и группа астронавтов должна его взорвать, пробури в нём скважину и заложив туда атомную бомбу.

– Это тот, где играет Брюс Уиллис?

– Тот самый. Так вот, в нём президента США играл афроамериканец. Когда он появлялся на экране в кресле в овальном кабинете, люди в кинозале начинали смеяться. Им казалась смешной сама мысль о том, что у нас будет чернокожий президент. Но прошло двадцать лет или около того – и это сбылось.

– Вообще, многое из того, что показывает нам Голливуд, сбывается. Ветхозаветные пророки, в связи с не востребованностью их пророчеств в современном мире, теперь, видимо, пере-квалифицировались в сценаристов.

– Ну не знаю, некоторые вещи, которые нам показывают в кино, слишком страшные для того, чтобы оказаться правдой. – Дэвид прищурился. – Хотя когда я пропустил кривую CO₂ через нашу программу анализа рынка, у меня как раз и получилось, что какая-то из версий «Армагеддона» ждёт нас с вероятностью восемьдесят четыре процента в ближайшее время.

– Многие покупают себе убежища, – сообщил ему Джек. – В Юте один девелопер только что перестроил под них старую армейскую базу. У них там автономные генераторы, системы фильтрации воздуха, подземные фермы для выращивания еды методом гидропоники. Бункер с одной спальней за миллион долларов, с тремя – за полтора. Мы предоставили ему кредит на финансирование, и он с нами уже расплатился – продано более пятидесяти процентов за первый год.

– Ты же не хочешь остаток жизни провести в убежище? – усмехнулся Дэвид. – Ты для этого существо слишком социальное.

– Так я же говорю тебе: там их целый лагерь, триста штук. Все за колючей проволокой...

– Я не очень представляю себе, как я буду за миллион долларов жить в бункере за колючей проволокой. Так что ты сказал президенту в качестве своего мнения по поводу моего выступления?

– Я сказал ему правду: что ты всегда был самым способным аналитиком из всех, кого я знаю, и часто твои прогнозы сбывались скорее, чем мы ожидали.

– Вот чёрт! Ты понимаешь, что «до двух лет» вполне может означать «завтра»?

– Дэвид, я человек религиозный, как, полагаю, и ты, – сказал Джек, поплёскивая стёклами своих круглых очков, – и каждую ночь, ложась спать, прошу Бога принять мою душу, если я умру во сне.

– Джек, я тоже верю во Всевышнего, но я имел возможность убедиться, что пути Его реально неисповедимы и Его ничуть не заботят наши души. Кстати, в иудаизме вообще нет понятия загробной жизни, если ты об этом знаешь. Когда кто-то умирает, то про него не говорят «он отправился на небеса». Мы говорим «он почил с предками».

– Хорошо, если ты считаешь, что человечеству угрожает опасность, что конкретно можно сделать, чтобы эту опасность предотвратить?

– Мы должны любым путём резко снизить выброс парниковых газов в атмосферу. Под «резко» я понимаю хотя бы десять процентов за год. Это изменит форму кривой и даст нам хотя бы временную передышку.

– Чтобы сделать это в мировом масштабе, необходимы какие-то совершенно радикальные меры. Даже если президент запретит регистрацию автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, это вряд ли решит проблему – Детройт продолжит работу, просто будет продавать свои «кадиллаки» не здесь, а в Азии или в Европе. Если бы мы могли построить стену, которая оградила бы нас от воздуха из Китая, вроде той, которую он построил, чтоб оградить нас от нелегальных эмигрантов из Мексики, то это решило бы проблему. Однако так высокую стену не в состоянии построить даже Трамп. Как я понимаю из его заявлений, он не является большим поклонником теории о глобальном потеплении – твоё выступление пошло бы на ура при предыдущей администрации, у Обамы с Гором. Это они занимались всеми этими электро-мобиллями и солнечными электростанциями. И небезуспешно, кстати: ряд проектов, которые они помогли начать, были вполне успешными и продолжаются до сих пор.

– У меня есть мысль, которая бы могла понравиться Трампу.

– Расскажи её мне, – попросил Джек.

– Если бы мы могли ввести полную блокаду товаров из Китая... Перестать покупать у них их продукцию.

– Вот что вы, евреи, вечно лезете со своей блокадой? Когда Гитлер пришёл к власти в Германии, первое, что сделали евреи во всём мире, – так это объявили ему экономическую блокаду. Довольно успешную, кстати – сильно попортили немцам кровь. Однако чем это закончилось, мы прекрасно помним.

– Китай несёт ответственность за треть выбросов в атмосферу. Если бы мы притормозили их экономику...

– Если мы блокируем вывоз их продукции сюда, то это приведёт к колоссальным потрясениям у них, десятки, возможно, сотни миллионов останутся без работы, и эти люди просто передохнут с голоду. Что хуже – прежде, чем они передохнут с голоду, они выйдут на улицы, и, чтобы оставаться у власти, китайское правительство справедливо обвинит нас во всех бедах, а это реально может спровоцировать войну. Китай – это ядерная держава с промышленным потенциалом, который в чём-то не ниже, а в чём-то даже выше, чем у нас. Конечно, у них нет наших технологий, но в космос они тоже летают. Что ещё хуже – наша экономика во многом привязана к китайской. Масса наших компаний, таких как «Эппл», производят свою продукцию там... Нет, мне не кажется это реальным. То есть, конечно, мы будем их давить перманентно – Дональд только этим и занимается со всеми этими тарифами, он очень зол на китайцев за то, что они проделывают со своей валютой, искусственно ослабляя юань. Не исключено, что мы и санкции в какой-то момент введём против них за нарушение прав человека, – они там преследуют диссидентов, никакой свободы слова нет и в помине... в конце концов, это же проклятые коммунисты, и плохого отношения к коммунистам никто в нашей великой стране не отменял, ведь верно?

– Верно-то верно, – ответил Дэвид, приканчивая остаток виски и наливая себе снова, – да вот только плохое отношение само по себе ещё никому не повредило.

– Как сказать. Был ведь не так давно Советский Союз, было наше плохое отношение к нему – и чем всё закончилось? Он перестал существовать как государство. Я помню, как Бжезинский в своё время хорохорился на банкете в Бильдельбергском клубе, что он сделал самые доходные инвестиции в истории человечества, когда выплачивал в восьмидесятые годы зарплаты советским диссидентам, а те взяли и разложили потихоньку страну своими книжечками... Конечно, сейчас они снова поднимают голову, вооружаются, пытаются вернуться

на мировую арену, но коммунизм уже сброшен ими со счетов, другой идеологии нет, деньги они снова у нас берут, да и объём их экономики сильно сократился. Глядишь, когда нефть в следующий раз упадёт до двенадцати долларов за баррель, у них начнутся беспорядки, снова будут делить собственность... в общем, плавно сведём их на нет. Они уже сейчас ближе к Ирану и Северной Корее, чем к нам.

– То есть то, что происходит в Гонконге, все эти демонстрации...

– ЦРУ, Дэвид, старое доброе ЦРУ, финансирование оппозиции через некоммерческие организации, которые организуют массовые беспорядки с использованием социальных сетей. Обычный бизнес. И посмотри – Гонконг на полгода превращается фактически в зону военных действий. Нам следовало заняться этим раньше – сразу после того, как Гонконг перешёл к китайцам, – но в то время никто не воспринимал их всерьёз. Все видели в них тупых косокрылых обезьян, готовых за пару долларов делать работу, за которую наши рабочие с их проклятыми профсоюзами хотели минимум десять. А эти обезьяны оказались не только трудолюбивыми, но и крайне экономными – и вот на сегодняшний день их экономика стала больше нашей, если считать по паритету покупательной способности, и у них есть три-четыре банка больше, чем мой.

– Проблема заключается в том, – сказал Дэвид, – что с СССР мы не могли справиться семьдесят лет.

– Есть такая поговорка: мельницы богов мелют помалу... Послушай, ты прекрасно знаешь о том, что широкая публика считает, будто банкиры управляют миром. И ты также знаешь, что это не совсем так. Мы не то что бы управляем им – мы можем оказывать некоторое влияние, выбирать вектор, так сказать. Все наверху давно уже поняли, что тот концепт, по которому действовали раньше сильные мира сего – размножение населения и последующее его использование в войнах, экономических и реальных, – больше не работает, или, скажем так, работает уже не так хорошо, как раньше. Сейчас все озабочены автоматизацией, поскольку роботы могут делать ту же работу, что и люди, но им за это не надо платить. В современном мире развелось полно людей, содержание которых неоправданно – возьми всех этих пенсионеров, которые только портят воздух и расходуют средства, вместо того чтобы что-то создавать. Или сидящих на пособиях по безработице многолетних матерей. С другой стороны, затевать следующую мировую войну тоже никто не хочет – всем понятно, что с ядерным оружием шутки плохи, да и вспомни англичан с их Ротшильдами: они так старались стравить русских с немцами, а когда дым рассеялся, то они поняли, что в ходе войны просрали Британскую империю.

– У нас есть два года, может быть, меньше. Возможно, нам стоило бы развязать войну с кем-то, у кого нет ядерного оружия, просто чтобы получить передышку.

– Так оно сейчас есть у всех – в Северной Корее у этого маньяка, который скормил собакам собственного дядю, у индусов, в Иране, вполне возможно. Однако, опять же, работа ведётся и над этим, президент постоянно их пугает, а придёт момент – так и ударит, будь спокоен. Ты вообще всегда был страшно нетерпелив и инициативен, насколько я знаю. Проблема перенаселения стоит давно и остро, и на каждом заседании клуба мы о ней говорим, – многозначительно блеснул очками Джек, – но надо понимать, что современный мир стал очень мал и, главное, информационно прозрачен. Чуть что – появляется какой-нибудь Алланд со своим «Викиликс» и начинает выкладывать в интернете секретные документы. Или Сноуден бежит в Россию... Время, всему нужно время. Ты вот, кстати, говорил об эпидемиях в Давосе, так и этот вариант прорабатывается: Билл Гейтс, когда ушёл из «Майкрософта», вплотную этим занялся – эпидемии, вакцинации, лихорадка Эбола, СПИД... Ставит эксперименты в Африке и вещает о том, что нам не избежать эпидемии в будущем. Так, может быть, она нам поможет? Я бы на твоём месте спокойно занимался своим делом и был бы готов играть на волатильности рынка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.